

Э. Д. ЭШБА

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У НЕООСМАНСКОГО ПРОЕКТА ТУРЦИИ?

*Эшба Элана Джемаловна, мл. науч. сотр. Центра партнерства цивилизаций
Института международных исследований МГИМО МИД России.
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: elana_eshba@mail.ru*

Аннотация

Данная статья посвящена рассмотрению неоосманского проекта Турции, а также возможностям его имплементации в региональной политике. В работе дается краткий исторический обзор, делается сравнительный анализ основных тенденций в современной внешней политике Анкары, а также различий и общих черт неоосманизма и кемализма на современном этапе. В статье также освещаются действия Турции на сирийском направлении и некоторые их последствия.

Ключевые слова: Турция, неоосманизм, кемализм, Сирия, Эрдоган.

Османизм как политическая доктрина был выдвинут младотурками еще в конце XIX в. Первоначально в этой доктрине декларировалось «равенство всех османов», то есть всех подданных огромной Османской империи независимо от их национальности и религии. Однако на деле, особенно после прихода младотурок к власти в 1908 г., именно османизм превратился в орудие их борьбы против требований сохранения национальной идентичности нетурецких народов империи, а также подкреплял идеологическое обоснование необходимости их ассимиляции с целью создания так называемой единой османской нации. Тем не менее у современных турок эта концепция ассоциируется с борьбой за собственное величие, величие своей страны.

НЕООСМАНИЗМ: ПОПЫТКА РЕАНИМАЦИЯ ИДЕОЛОГИИ

Сегодня применительно к внешнеполитической доктрине Турции все чаще используется термин «неоосманизм», который впервые был введен в оборот еще в 1970-е годы, после кипрских событий 1974 г., когда Турция ввела на остров свои войска, провозгласив там создание Турецкой Республики Северного Кипра [5, р. 524]. С подачи Афин, обвинивших Анкару в желании вернуть былое влияние на постосманском пространстве, этот термин был подхвачен и западными экспертами, многие из которых предполагали возвращение Турции к политике, базирующейся на имперских традициях.

По сути, неоосманизм можно назвать неофициальной внешнеполитической доктриной Турции, целью которой является расширение влияния и укрепление своих позиций на всей территории бывшей Османской империи. Подразумевается, что главным «орудием» достижения этой цели должна стать «мягкая сила», развитие и упрочение экономических связей, гуманитарное и культурное сотрудничество и т. д.

По мнению некоторых экспертов, неоосманизм можно назвать попыткой сформировать новую нацидентичность за счет применения методов гуманитарного и экономического воз-

действия. Он представляет собой базовую идеологию для всех стратегий и тактик внешней политики Турции [1, с. 71–78].

Интересно, что среди задач МИД Турции в соответствии с Законом № 6004 от 2010 г. первым пунктом значится «оказание поддержки формированию и укреплению в регионе и в мире условий, способствующих установлению справедливости и развития»¹.

Вместе с тем термин «неоосманизм» в самой Турции не упоминается ни в одном официальном документе, однако нынешний премьер-министр страны Ахмет Давутоглу, будучи министром иностранных дел, в 2009 г. в одном из своих выступлений отмечал: «Нас называют неоосманами. Да, мы и есть неоосманы, мы вынуждены заниматься соседними странами и пойдем даже в Африку»².

И именно Давутоглу открыто сформулировал приоритеты турецкой внешней политики в своей довольно объемной монографии «Стратегическая глубина: международная позиция Турции», которая вышла в свет еще в 2001 г., за год до того, как Партия справедливости и развития (ПСР) пришла к власти. Суть изложенных в этом исследовании идей можно свести к следующему: Анкара будет стремиться укрепить и увеличить свое политическое, экономическое, дипломатическое и духовное влияние на всем пространстве бывшей Османской империи: на Балканах, Ближнем Востоке, Кавказе и в Северной Африке [4].

С этими идеями хорошо коррелирует концепция того же Давутоглу «ноль проблем с соседями», которая в 2008 г. легла в основу внешнеполитической доктрины ПСР. В соответствии с ней, Турции необходимо было взять курс на нормализацию и развитие партнерских отношений со всеми близлежащими государствами, в том числе и с такими традиционно проблемными для Анкары, как Армения и Греция. Новые власти настаивали на том, что внешняя политика Турции ранее была несбалансированной, в ней делался чрезмерный акцент на связях с Западной Европой и США, при этом в жертву приносились интересы Турции на Востоке, прежде всего в ближневосточном регионе. Давутоглу, в частности, часто отмечал, что — в отличие от других имперских держав — за первые 80 лет после основания Турецкой Республики она вынужденно игнорировала отношения с государствами, которые сформировались в бывших османских провинциях в Северной Африке и на Ближнем Востоке, и что сегодня Турция может и даже обязана играть намного более значимую роль в этом регионе. Геополитической стратегией ПСР стала защита правоверных на стыке исламского и западного миров. При этом Турция использовала традиционную риторику о своей роли связующего звена между Западом и Востоком [2, с. 85].

Одновременно необходимо подчеркнуть, что неоосманизм Р. Т. Эрдогана и А. Давутоглу в значительной степени отличается от политики Н. Эрбакана, бывшего премьер-министра Турции, которого принято считать политическим наставником нынешнего президента Турецкой Республики. В то время как Эрбакан стремился создать нечто вроде исламского альянса с мусульманскими странами, такими как Ливия, Иран, Малайзия, Индонезия, в качестве явной альтернативы союзу с Западом, лидеры ПСР сегодня, скорее, стремятся за счет «восточного вектора» дополнить свои связи с Западом, а не заменить их. Можно говорить о том, что их видение во многом совпадает с политикой бывшего президента Т. Озала, который также опирался на имперское наследие и не исключал возможность сосуществования нескольких идентичностей в современной Турции и формирования нового национального консенсуса. Такая позиция находит определенный отклик у населения страны, которому постоянно напоминают, что жители современной Турции — наследники великой многонациональной империи, не так уж давно господствовавшей на Ближнем Востоке, в Северной Африке, на Балканах и даже в части Центральной Европы.

Вместе с тем представляется, что такой акцент на османском наследии все же не является частью плана по исламизации Турции и выстраиванию соответствующей внешней политики страны. Скорее, это попытка сбалансировать и расширить горизонты кемализма, с его одержимостью сделать Турцию частью «западной идентичности». В интерпретации лидеров

¹ Закон о создании и задачах Министерства иностранных дел №6004 (Dışişleri Bakanlığının kuruluş ve görevleri hakkında kanun #6004) // МИД Турции.

URL: <http://www.mfa.gov.tr/data/BAKANLIK/mevzuat-2013.pdf>

² *Seven E.* Sarkozy gittiği her yerde bizi görecektir. URL: <http://www.yenisafak.com/gundem/sarkozy-gittigi-her-yerde-bizi-gorecek-225129>

ПСР в основе неоосманизма должно лежать не тяготение к уже существующим «центрам силы», а экспорт собственных ценностей, ориентированных не только на тюркские народы, но и на весь мусульманский мир. А в перспективе границы подобной экспансии могут быть и еще шире.

Такое широкое видение своих внешнеполитических приоритетов может отразиться и на внутренней политике страны. К примеру, поскольку неоосманизм во многом опирается на «великое многонациональное наследие Османской империи», он вполне способен скорректировать концепцию «гражданства», то есть ограничить значение этничности и происхождения, сделав при этом акцент на религии. В рамках этой схемы исламу отводится одна из основных ролей в плане формирования общей турецкой идентичности. По мнению ряда экспертов, как и в Османской империи, ислам в перспективе может стать своего рода общим знаменателем, прежде всего между курдами и турками. Хотя на данном этапе такая вероятность выглядит по крайней мере сомнительной.

Поскольку основной целью неоосманизма является усиление позиций Турции на мировой арене и превращение ее в сильную и влиятельную региональную сверхдержаву, чья культура, стратегическое видение и действия отсылают к наследию Османской и Византийской империй, Анкара должна играть активную роль в обширном регионе, для которого она является естественным центром притяжения. Однако подобные грандиозные амбиции требуют существования сильного и стабильного национального государства без внутренних этнических и религиозных конфликтов и разногласий. В этой связи, по мнению, например, кемалистов, предлагаемое официальной Анкарой видение неоосманской внешней политики нежизнеспособно и даже авантюрно. Идеи предоставления курдам более широких национальных и культурных прав, а исламу большего политического пространства, по мнению последователей идей Ататюрка, являются опасными отклонениями от светских, национальных и республиканских норм. В этом смысле, по оценке кемалистов, неоосманское мышление не только не является полезным для укрепления позиций Турции, но и угрожает национальным интересам страны. Кроме того, кемалисты выступают против пантюркистских и панисламистских тенденций во внешней политике страны, прежде всего на том основании, что они идут вразрез с главной заповедью Ататюрка — строгой «национальной» внешней политикой. Они однозначно высказываются за поддержание существующего статус-кво и являются твердыми сторонниками активного противодействия угрозе курдского сепаратизма.

НЕООСМАНСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ

Необходимо подчеркнуть, что важной характеристикой концепции неоосманизма является его цель охватить как исламский мир, так и распространить влияние на Запад. В данном контексте примечательно, что в преддверии распада Османской империи, о ней говорили как о «большом человеке Европы», но не Востока.

В этом смысле европейское наследие имеет большое значение для неоосманов. Они хотят быть открытыми для Запада и западного влияния. Такая гибкость в значительной степени отсутствует у противников неоосманизма, которые считают и ислам, и европейский мультикультурализм потенциальными врагами кемалистской революции.

Вместе с тем, несмотря на то, что политическое пространство Турции принято считать полем битвы между проосманскими исламистами и антиосманскими кемалистами важно отметить, что эти направления имеют и много общего. Оба характеризуются сильным чувством патриотизма и поддержанием концепции турецкой «нации-государства». Несмотря на то, что неоосманизм можно, хотя и условно, считать более либеральным течением, нежели кемализм, он довольно успешно усвоил кемалистскую парадигму турецкого национализма. Концепция «нация-государство» не ставится неоосманами под вопрос. В целом нет противоречий и относительно национальных интересов Турецкой республики, вопрос лишь в способах их достижения.

В турецких госструктурах подчеркивают, что намерены развивать отношения со всеми партнерами, позиционируя себя в качестве связующего звена между Западом и Востоком [3]. В этой связи показательна активизация политики Турции, прежде всего на постосманском пространстве и в ближневосточном направлении.

По сути, внешняя политика Турции при Эрдогане и правящей Партии справедливости

и развития сводилась к двум главным целям. Первая — максимально возможное усиление влияния в арабском мире посредством поддержки (а если нужно, то и создания) умеренных исламистских движений суннитского толка и конфронтации (причём часто показной) с Израилем. Вторая — обуздание курдского сепаратизма посредством экономических и политических шагов, призванных убедить турецких, сирийских, иракских и иранских курдов в том, что Турция переживает период демократического обновления.

К слову, турецкая общественная модель, сочетающая национальные традиции с демократическими принципами, долгое время представлялась идеальной для интеллигенции и светской оппозиции многих арабских стран, где несменяемость и семейственность власти всё больше раздражала граждан. Темпы экономического развития, постепенное укрепление политических позиций на мировой арене, особенно на региональном уровне, и на первых порах довольно успешная имплементация концепции «ноль проблем с соседями» сделали Турцию привлекательным примером для многих мусульманских стран. Это, казалось, открывало прекрасные возможности для того, чтобы стать влиятельным актором на всём Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Достичь данной цели предполагалось, в том числе, с помощью умеренных исламистов типа «Братьев-мусульман», которые, словно по заказу, захватили власть в одной из ключевых арабских стран — Египте.

Однако от прихода к власти «Братьев-мусульман» Анкара ничего не выиграла. Режим Мухаммеда Мурси оказался недолговечным. Более того, новые власти Египта сразу возобновили сотрудничество с израильтянами — и те, и другие полны решимости нейтрализовать ХАМАС и, по возможности, «выкорчевать» из региона «Братьев-мусульман» вместе со всеми аффилированными группами.

Время показало, что концепция А. Давутоглу не принесла успехов и на других направлениях. Застарелый кипрский вопрос так и не был разрешен; Европейский Союз, как и раньше, держит Анкару «на безопасном расстоянии»; нет прогресса и в турецко-армянских отношениях: Цюрихские протоколы, которые могли нормализовать отношения между Анкарой и Ереваном, в итоге не были ратифицированы ни в Турции, ни в Армении.

Сирия стала еще одним рубежом, символизирующим разворот Анкары в сторону от «нулевых проблем». Там уже шла настоящая война, когда, назвав происходящие в САР события внутривнутриполитическим вопросом для Турции, тогда еще премьер Р. Т. Эрдоган разорвал дружественные отношения с президентом Б. Асадом, превратившись в одного из самых ярых противников его режима.

Оказывая помощь боевикам, воюющим против правительственных войск, Турция не приобрела ни влияния в Сирии, ни международного авторитета. Наоборот, о ней всё чаще говорят, как о государстве, скорее создающем новые проблемы, чем решающим уже существующие³. Кроме того, Турция получила новое обременение в виде суннитских группировок, которые, так и не сумев свергнуть режим Башара Асада, примкнули к известным исламистским террористическим структурам — запрещенным в России «Исламскому государству» и «Джабхат ан-Нусра». Теперь террористы начали вербовать турецких граждан, прежде всего в юго-восточных регионах и даже угрожать некоторым объектам страны.

Можно предположить, что именно сирийский кризис «спутал карты» турецкому правительству. Многие эксперты, в том числе и турецкие, открыто называют позицию Эрдогана по Сирии «упрямой, ошибочной и недальновидной», а внешнюю политику Турции в последние несколько лет «иррациональной».

Не сильно преуспело правительство Эрдогана и в обуздании курдского сепаратизма. Политика поддержки сирийских оппозиционных группировок вызывала недовольство джихадистов. А попытки пойти с ними на диалог с целью натравить их на курдские отряды в Сирии только усилили недоверие сирийских, иракских и турецких курдов к Анкаре.

В данной связи важно отметить, что турки поддерживают Региональное правительство Курдистана в Северном Ираке, так как рассчитывают на реализацию проекта трубопровода, по которому сырая нефть из месторождений на иракском севере шла бы в Турцию. Региональное правительство такой проект одобряет, однако в регионе есть курдские фракции,

³ Huffington Post: Эрдоган стал для НАТО ахиллесовой пятой. URL: <http://ria.ru/world/20160224/1379569656.htm>

выступающие категорически против его реализации. Кроме того, этот проект может серьёзно осложнить отношения Анкары и официального Багдада, который, разумеется, не хочет, чтобы нефть «утекала у него сквозь пальцы», и в этом вопросе пользуется полной поддержкой Тегерана. И наконец, Вашингтон уже высказался против проекта трубопровода и даже приступил к обсуждению с Тегераном перспектив регионального сотрудничества. Таким образом, Анкара поставлена, мягко говоря, в сложное положение.

И ЧТО В ИТОГЕ?

Подводя итог, можно сделать вывод, что на первых порах довольно успешная, прагматичная внешняя политика Турции, базирующаяся на принципах неоосманизма, в настоящее время близка к полному краху. И поворотным пунктом в данной ситуации можно назвать сирийский кризис, где турецкое руководство заняло жесткую, бескомпромиссную позицию, по большому счету, не отвечающую долгосрочным интересам Анкары. Это вкупе с целым рядом других проблем, в том числе и внутреннего характера (коррупционный скандал, волнения в Турции в 2013 г., столкновения турецкой полиции с демонстрантами, новое обострение отношений с курдами), привело к определенному снижению популярности правящей ПСР и самого Р. Эрдогана. Тем не менее ПСР пока остается самой влиятельной политической силой в Турции. Традиционная светская оппозиция — наследники светского кемализма набирает на выборах чуть больше 25 %⁴ голосов. Очевидно, им не удастся сформулировать такую программу, которая находила бы отклик у большего числа поляризованного населения Турции.

Что касается светских националистов, то они набирают на выборах и того меньше — немногим больше 10 %⁵. Основными причинами их низкой популярности среди избирателей эксперты считают отсутствие хорошего лидера и внятной альтернативной программы. Активную позицию занимают курды, но они пользуются поддержкой, прежде всего курдского населения страны. В июне 2015 г. курдская партия впервые прошла в парламент. Некоторое время отношения между официальной Анкарой с курдами действительно давали надежды на налаживание полноценного диалога и сотрудничества. Тем не менее и в этом вопросе поворотным пунктом стал сирийский кризис. Эрдоган встал на сторону антикурдских сирийских повстанцев, а после серии терактов летом 2015 г. он начал операцию против Рабочей партии Курдистана (РПК), в результате чего большинство курдов полностью разочаровались в перспективах сотрудничества с официальной Анкарой.

Есть еще одна оппозиционная группировка — движение «Хизмет», лидером которого является Ф. Гюлен. Его специализация — деятельность в сфере медиа и PR, а также различные гуманитарные и культурные проекты, в том числе международные. Считается, что его последователями являются несколько миллионов человек, причем это не только жители Турции, но и турки, проживающие за границей. Многие эксперты полагают, что именно «Хизмет» действительно может «раскачать» ситуацию в стране.

Ситуация в Турции сложилась непростая, и, вероятно, победа в ноябрьских выборах заставила Эрдогана снова поверить в свои силы и вместо того, чтобы приступить к решению целого комплекса накопившихся проблем, он предпринял шаги, которые усугубили и без того незавидное положение страны.

К этому моменту стало очевидно, что поддержка уже свергнутых идеологически близких к турецкому режиму властей в Египте и Тунисе была ошибкой. В Ливии, Йемене и Сирии, где турецкие власти заняли такую же позицию, ситуация вообще скатилась к абсолютному хаосу и гражданской войне. А после вмешательства в сирийский конфликт России и Ирана стало понятно, что турецким планам здесь, скорее всего, пришел конец. В целом президент Турции не готов смириться с провалом своей сирийской политики. Можно предположить, что эскалацией ситуации он пытается принудить Россию к миру, а имея «козырь» в виде беженцев, нескончаемым потоком бегущих в Европу — как правило, транзитом через Турцию — он хочет заставить Запад поддержать Анкару и «отстранить» Россию от сирийских дел.

⁴ Правящая партия Турции победила по итогам досрочных выборов. URL: <http://www.newsru.com/world/02nov2015/turk.html>

⁵ Там же.

В целом можно говорить о провале стратегии неоосманизма в ближневосточном направлении, где позиции Турции резко ослабли. Разумеется, остались Балканы, где Анкара действует весьма активно. Однако в связи с экономическим кризисом, в котором она сейчас находится (тут важное значение имеет потеря большого российского рынка и рынков ряда ближневосточных стран), у нее становится меньше средств и возможностей для реализации своей политики.

Прогнозировать развитие ситуации в дальнейшем сложно, но вполне возможно, что ценой роковой ошибки Т. Эрдогана в сирийском кризисе может стать его неоосманский проект.

IS THERE ANY FUTURE FOR NEO-OTTOMAN TURKEY PROJECT?

*Elana Eshba, Junior Researcher, Civilizations' Partnership Center
Institute of International studies, MGIMO-University,
119954, 76 Vernadsky ave., Moscow. E-mail: elana_eshba@mail.ru*

Summary

The article is devoted to the study of neo-Ottoman project in Turkey, as well feasibility of its implementation in regional policy. The paper gives a brief historical overview, suggests a comparative analysis of the main trends in modern foreign policy of Ankara, and explores differences and similarities of neo-Ottomanism and Kemalism on the modern stage. The article also highlights the actions of Turkey and some of their consequences on the Syrian track.

Keywords: Turkey, neo-Ottomanism, Kemalism, Syria, R.T. Erdogan.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Аватков В. А.* Неоосманизм. Базовая идеология и геостратегия Турции // Свободная мысль. 2014. № 3.
2. *Кудряшова Ю. С.* О проявлении неоосманских амбиций в современной региональной политике Турции // Ежегодник ИМИ. Мировая политика: старые проблемы и новые вызовы. — М.: ИМИ МГИМО, 2015. Вып.3 (13).
3. *Davutoglu A.* Alternative Paradigms: the impact of Islamic and Western Weltanschauungs on Political Theory. Lanham, Md.: University Press of America, 1994.
4. *Davutoğlu A.* Stratejik derinlik. Küre İstanbul: Yayınları, 2001 / Англ. перевод: *Davutoglu A.* The Strategic Depth. Arab Scientific Publishers, 2010.
5. *Karpat K. H.* Studies on Ottoman Social and Political History: Selected Articles and Essays. Leiden etc., Brill, 2002.